«По России мчится тройка: Миша, Рая, перестройка...» — частушкой ответило народное творчество на очередные эксперименты руководящей и направляющей — так сама определяла свою главную роль — коммунистической партии.

Тройка ещё была резвой, удивляла своей прытью, неслась во весь опор куда глаза глядят... «неизвестно куда унося седоков»,— как пел в своё время Владимир Высоцкий.

Телега подпрыгивала на кочках, колдобинах и ухабах родного бездорожья, гремела, гружённая пустыми бочками — такими же пустыми, как обещания ускорить, улучшить, дать квартиру каждой семье к 2000 году,— собирала бесконечные людские толпы зевак, одарённых талонами на мыло, на сахар, на крупу, на сигареты, на водку... пока не тормознула в «Форосе» в связи с внезапной болезнью, поразившей главного кучера. Болезнь, как оказалось позже, была мнимой. Но это будет потом. А пока...

Стартовав два года назад, перестройка и гласность набирала свои обороты, вовлекая неравнодушных, тех, кому было положено по должности, болтунов и говорунов. Сводный хор певцов перестройки получался внушительный.

Не остался в стороне и я — пока ещё молодой специалист экспедиции, вместе с перестройкой сюда прилетевший. Распевая свой голос, разразился первым стихотворением на странице стенгазеты «Геофизик», стыдливо

прячась под псевдонимом «Мистер Икс». Цензура к этому времени была отменена, должности корректора и главного редактора сократили в связи с выходом постановления правительства № 374-А «О повышении окладов и тарифов работников геологоразведочной отрасли». В газете оставалась одна штатная единица — наборщик печатных текстов. К огромной радости автора — первое гениальное творение не будет искромсано безжалостным пером редактора,— без купюр и правок стихотворение вышло в апрельском номере газеты (публикуется по архивной копии газеты):

«Сказали мне: „Давай дерзай!“ — и я дерзаю.
Пишу о том, чего не знал и не узнаю.
Сокрыто прошлое и таинством, и мраком,
Не разгадать и не узнать его никак нам.

В былые времена мы жили тихо-мирно,
Но день сегодняшний — и страсти закипели.
Пошли в атаку безрассудно, кто смелее,—
Теперь жалеем, что их головы слетели.

Возможно, и неправы были — ну и что же?
Не мудрено махать мечом, рубить сплеча.
Без головы, конечно, просто невозможно
Решать вопросы по уму, не сгоряча.

О перестройке слышим часто, слишком много
С экранов теле, в экспедиции у нас,
Но если честно и по правде только строго:
От прошлых дней не сдвинулись даже на час.

Шальные ветры перестройки долетают,
Когда в ладоши очень сильно кто-то бьёт.
А что он бьёт? Он, верно, сам не знает,
Возможно даже искренне считает,
Что так быстрей он движется вперёд.

Увы-увы! На месте он, и мы все видим.
Воздержимся пока и лучше промолчим.
Мы не герои, а простые люди:
Нам головы нужны, и кушать мы хотим.

Под нами стулья, как кони, брыкают,
И тем сильней — чем громче говорим.
Поэтому, друзья, вас призываю:
Чтоб не жалеть потом, давайте помолчим!

P.S.
Писать без подписи сейчас — не дело,
А с подписью своей — большущий риск.
Дилемму сложную я обошёл умело:
Ваш добрый друг,
Знакомый —
Мистер Икс.

Март 1988».

В экспедиции временами разгорались нешуточные страсти, впрочем, как и по всей огромной стране. Прямые трансляции съездов — предтеча нынешнего «Дома-2» — били все мыслимые и немыслимые рейтинги популярности.

Кто-то ещё верил в исключительную роль коммунистической партии, затеявшей такую грандиозную по новизне вещь — Перестройку, Ускорение и Гласность,— и её глашатаю, Богом меченному настолько явно, что ни у кого не вызывало сомнений: Мишка-меченый.

Слушая его речи, журчащие ручьём, пытаясь понять их смысл и логику от начала и до конца, я ловил себя на мысли, что полученного образования, отмеченного красным дипломом, пока недостаточно.

Понимая слова, отдельные фразы, предложения и даже десятиминутные куски его многочасовой речи, перебиваемые репликами любимой жены — то, что он её любит безмерно, не вызывало никаких сомнений: умилённый взгляд, без слов говорящий: «Ух ты, моя цыпочка! Ну порезвись, порезвись! Нет-нет, можешь ещё, я не спешу»,— и взгляд, обращённый к окружающей толпе, спрашивающий: «Видали?.. Каково?!.. Моя!!!» — тогда они напоминали мне красивых курочку и петушка гамбургской породы, доселе ещё не виданных (у моих родителей куры всегда были какие-то невзрачные, изначально белые, потом испачканные в навозе, все одинаково желтовато-коричневые, а эти — красавцы!), мило кудахтающих, сидя на своём насесте в курятнике на всеобщем обозрении, довольных друг другом,— дальше терял смысловую нить.

«Мыслью по древу?» — зарождалось сомнение. «Да нет же! Нет!» — гнал от себя крамольные мысли. Бессмертное ленинское: «Учиться, учиться, и ещё раз учиться!» — цитировал мой внутренний голос.

Кто-то с интересом наблюдал за восходящей звездой главного борца с привилегиями, вступившего в неравный бой с партийной номенклатурой и смело швырнувшего свой партийный билет в лицо зажравшимся товарищам по партии, желающим ездить на работу исключительно на чёрных «Волгах» и не желающим умерить свой непомерно разыгравшийся аппетит.

Созданная Высокая Комиссия, разбиравшая столь серьёзное обвинение, пришла к выводу:

Смутьян частично прав.

Партийная и чиновничья братия почему-то предпочитает авто исключительно чёрного цвета. Собираясь со всего столичного города в одном месте, они, подобно жукам-скарабеям, создают обманчивую иллюзию великого множества.

Об эту иллюзию Смутьян и споткнулся.

Факты злоупотреблений и обжорства не подтвердились.

Рацион питания — в пределах меню, разработанного и утверждённого главным шеф-поваром.

Конечно, всякое бывает: кому-то сметана достаётся погуще — в начале фляги, кому-то пожиже — со дна, кому-то в супе попадает мясо, свалившееся с костей при варке, кому-то кости, на дно кастрюли упавшие,— но они в одном бульоне варенные, в одной кастрюле. Всё происходит в соответствии с законами физики и аксиомой: «Ранняя пташка червячка съедает». Против объективных законов и аксиомы бороться не представляется возможным.

Высокая Комиссия выдала свои научные рекомендации:

1. Для устранения иллюзии великого множества необходимо разнообразить цветовую гамму служебных машин.

2. Машинам чёрного цвета в количестве, превышающем цифру «3», в одном месте собираться запрещено.

3. Проводить ротацию кормящихся в первую и вторую смену не реже одного раза в неделю.

«Борис! Ты не прав!» — обрадованно воскликнул Егор, приехавший не из-за леса, из-за гор, а из моего любимого студенческого Томска,— первый прочитавший выводы и рекомендации. В экспедиции сразу же возникло два противоборствующих лагеря: «За Бориса» — «За Егора».

Вот тут-то я впервые ощутил, что значит раздвоение личности. Одна моя половина выступала рьяно за Бориса, а вторая так же рьяно — за Егора.

Вычислив без труда, кто же такой этот самый Мистер Икс, чьё стихотворение в газете «Геофизик» наделало немало шума в экспедиции, враждующие группировки засылали ко мне своих гонцов, выведывающих: «Так вы за большевиков али за коммунистов?» Их взгляд с прищуром следил за мимикой моего лица, пытаясь вычислить: соврёт или правду скажет?

Я помню, что такой вопрос уже кому-то задавали, а вот правильный ответ — хоть убей! — не помню.

«Дайте мне время подумать»,— пытаясь отсрочить час неизбежной развязки, просил я. «Хорошо, мы завтра подойдём»,— видя, как вчерашний студент плавает в выпавшем ему вопросе, вспоминая себя студентами, прогулявшими всю ночь с девчонками и явившимися на экзамен неподготовленными, как судорожно пытались найти шпаргалки или получить от кого-нибудь подсказку, в них просыпалось человеческое.

Изо всех сил я напрягал свою память: «Где же это было? Где же это мне попадалось? Где могло попадаться? Ну конечно же! Это школьная программа по литературе! — зацепилась память за брошенный кем-то спасательный круг.— По литературе или по истории? Вроде по литературе...»

Я стал перебирать все произведения школьной программы, которые помнил: «Мцыри», «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Поднятая целина», «Преступление и наказание»... «Война... и мир».

Представив себе объёмные тома «Войны и мира», которые и в школе не сумел осилить, понял, что таким путём ответа на поставленный вопрос мне не найти. Это всё равно что иголку в стоге сена искать. К истории можно и не притрагиваться. До завтрашнего дня однозначно не успеть.

Тогда, разбираясь в хитросплетениях вопроса, я решил задействовать своё логическое мышление, с которым всегда было неплохо.

Борис мне нравился своей напористостью.

В душе я его даже понимал и не осуждал: бороться с иллюзиями трудно, всякий может споткнуться. К тому же,

если тебе в гороховом супе постоянно попадаются круглые белые кости без признаков мясного налёта, да ещё и с выпавшим костным мозгом, а другому достаётся всё то, что с твоей кости свалилось,— обидно.

Нравилось его актёрское мастерство.

Как красиво и естественно у него получилось: «Партийный билет? Возьмите! Не нуждаюсь!» — и длинный проход через весь зал под сотни испуганных, восхищённых и удивлённых одновременно взглядов: «Что он делает?!» — «Как это не нуждается?» — «Подлец! Что вообще он несёт?!» — «Вчера ещё нуждался...» — «Какой молодец! Сказал так сказал!»

А чего стоит эффектно захлопнутая дверь в конце блистательного прохода, когда с потолка посыпалась штукатурка? Станиславскому, кроме как: «Верю!» — нечего было бы сказать.

Нравилась его твёрдая уверенность в своём дарованном свыше таланте.

Мало того, что он прошёл через весь зал, ни разу не споткнувшись, хлопнув дверью, не стал припадать к замочной скважине, чтобы посмотреть на реакцию зала, но и у привратников не стал спрашивать: «Как я сегодня играл? Как всегда, великолепно?» — а с чувством собственного достоинства, не раздавая автографы, проследовал к выходу, сел в трамвай и уехал.

Нравилась многогранность его таланта.

Оказавшись в завязанном мешке, брошенном с моста в бурную реку, он сумел развязать мешок и проплыть вольным стилем полкилометра. Сам великий иллюзионист Дэвид Копперфильд, поражённый увиденным, немедленно включил этот трюк в свою программу, выплатив правообладателю немалый авторский гонорар.

Нравилось...

Ещё на несколько страниц можно продолжить список достоинств Бориса, которые мне импонировали.

Что было в активе Егора?

Он — мой земляк.

Данное обстоятельство уравновешивало все вышеперечисленные достоинства оппонента.

Нет, я не знал его лично, даже не видел ни разу вживую, но когда гулял по аллеям Лагерного сада, приходил на

кафедру геофизики в десятый корпус нашего института, когда проходил мимо деревянных домов, украшенных затейливой кружевной резьбой, когда ехал в милицейской машине с зарешеченным окном в районный отдел милиции и смотрел на виновато склонённые головы фонарей ночного Томска, я понимал: это его город.

Враждебные лагеря «За Бориса» — «За Егора» орали до хрипоты, срывали голос, не приходя к общему мнению, зазывали и вербовали в свои ряды новых соратников, устраивали бурные манифестации в курилках, совмещённых с туалетом, обижались, не здоровались, проходя мимо.

Час «Ч» неумолимо приближался, а стрелка моих весов упорно оставалась на середине, не зная, в какую сторону склониться, кому отдать предпочтение.

«Мужики, извините, не успел. Можно на завтра перенести? Тёща приехала, как снег на голову свалилась. Все планы нарушила. Не успел разобраться»,— пытался взывать к мужской солидарности, приплетя тёщу, ни сном ни духом не ведающую, что она находится у зятя.

«Пора бы уже определиться, товарищ!» — интонация, с которой было произнесено последнее слово, говорила, что терпение гонцов на пределе, звякнувшая басовая струна в конце фразы ещё больше усиливала эту догадку. Но, услышав про вечное проклятие мужиков, про несчастье, которое на меня свалилось, несколько смягчились: «Смотри, студент, завтра последний срок...»

Не знаю, чем бы для меня закончился завтрашний день, сколько времени пришлось бы ещё мучиться, находясь в состоянии раздвоенности, если бы на очередном крутом повороте подпрыгнувшую телегу мчащейся под гору тройки не завалило набок, расшвыряв седоков по разные стороны, а саму телегу не саданулo об угол так и не перестроенного дома, да с такой силой, что и колёса поотлетали, после чего враждующие стороны неожиданно сошлись в едином мнении: «Приехали!» — и гонцов с вопросами больше не присылали.

Март 2017